

Зачарованная Колывань

Экскурс в историю камнерезного дела

Подорожник от Саши Дербенева

Было это в марте 2002 года. Дробно, вторя весенней капели, стучали молотки кровельщиков по крыше старого, времен шихтмейстера Стрижкова, корпуса. Это была весна строителей, которых понаехало на завод столько, что затерялись мои родные камнерезы в толпе штукатуров, маляров и плотников... Колывань спешила принарядиться к своему 200-летию.

Побродив с утра по цехам, ближе к полудню решаю подняться на скальный выступ за памятником колыванцам, погибшим в Великой Отечественной войне. Есть у меня там заветное место под раскидистой сосной, откуда весь поселок просматривается как на ладони – прекрасная точка для фотосъемок, к тому же подветренная и уже обогретая весенним солнцем площадка.

Саша Дербенев, мастер счастливой руки, чьи изделия украшают скверы и музеи Барнаула, догоняет меня уже за проходной.

– Что? И тебя доконала строительная суета? – подначиваю друга.

– Еще как, – смущенно улыбается Саша. – Сосредоточиться не могу, а камень в работе серьезный.

– Так перекурим это дело на солнышке. А скажи-ка, друг Александр, ты же ведь не из коренных колыванцев, а вот прижился, корни пустил...

– Хозяйством оброс, – смешливо бурчит Дербенев. – И одомашнился, и оскотинился. Здесь, чтобы прожить, одного сена надо поставить многие центнеры...

– И все же прижился, – не отстаю я.

– Если серьезно, то очарован я здешним камнем. Поделочным, разумеется. Помнишь, как маркшейдер Лаулин писал на заводских документах: «Прошу приказать дать камню лицо»? Вот я и исполняю данный приказ. Добровольно и с большой любовью.

– Саша, а почему знаменитая Царица ваз была сработана именно здесь? Ведь были же мастера и в других местах, скажем на Урале...

– Там такого камня нет. Но и этого мало. Я вижу, ты тоже прирос к Колывани? Если так, то прими мой совет: в своих поисках не зацкливайся на заводе. Вон там, за Синюхой, пошла гряда гор, вот там и ищи ответы на все свои вопросы. Это Горная Колывань. Она тебя будет изумлять своей красотой без усталости, красотой, которую наши мастера вот уже два века открывают в здешнем поделочном камне. Это не простая Колывань, а зачарованная.

С нескрываемым любопытством смотрю на Александра, таким речистым я вижу его впервые.

– Будь по-твоему, – благодарно улыбаюсь я другу.

С той памятной весны 2002 года началось мое путешествие во времени. Зачарованная Колывань открывалась неохотно, проверяя путника на зоркость, выносливость и терпение. Но это уже другая глава моего повествования.

Время мастеров и Царицы ваз

Не знаю, может, оттого что историк по образованию, к документам прошлого отношусь трепетно и редко когда использую их в пересказе: боюсь исказить первоначальное звучание. Вот и экскурс в историю камнерезного дела на Алтае выстраиваю строго по первоисточникам.

Из указа Екатерины II от 21 января 1786 года:

...поручаем генерал-майору Соймонову (управляющему делами Колывано-Воскресенских заводов. – В.С.) прилагать старания о распространении поисков не токмо руд, но всякого рода камней

Новое поколение колыванских камнерезов

и минералов полезных».

В январе же 1786 года Соймонов пишет статскому советнику Гавриле Качке: «...поднесенные Ее Императорскому Величеству разные порфиры и брекчи, агаты и яшмы, в окружности объемлемой

Колывано-Воскресенскими заводами, удостоены были высочайшего благоволения...

Изустно же Ее Императорское Величество Высочайше указать мне соизволила, чтобы со стороны заводской приложено было старание о сыскании тех мест, где поднесенные, мною описанные выше сего, камня находятся, и когда удостовериться можно будет о месте пребывания их, то учредить каменную ломку и шлифовальную при заводах фабрику для обрабатывания колонн, вазов, столов, каминов и других сих подобных приборов...».

1786 год в истории камнерезного дела на Алтае принято считать самоцветным. В маршруты ушли девять партий. Медику и геологу Петру Шангину «послужило щастие» открыть 145 проявлений цветного камня. В том числе известное сейчас Каргонское месторождение.

А 14 декабря 1786 года последовал указ императрицы:

«На устройство при Колыванских горных заводах шлифовальной мельницы повелеваем отпустить в распоряжение Управляющего теми заводами генерал-майора Соймонова единовременно 3000 рублей, да на содержание ея и людей потребных, как для сей мельницы, так и для ломки камней в горах производить из кабинета по 7000 рублей на год».

Вот и настало время обратиться к очень редкой книге, уникальность которой состоит в том, что создавалась она не одно десятилетие и не одним поколением авторов, – это «Книга обработанных на Колыванской шлифовальной фабрике каменных вещей и отправленных в Санкт-Петербург в Кабинет Его Императорского Величества с 1786 года».

Первая запись гласит:

«В 1786 году:

- накладок книжками из локтевского порфира – 2,
- накладка из того же порфира – 1,
- ваз из того же порфира вышиною в 1 аршин – 2».

На плинтах большинства первых ваз стояла подпись: «Колыванских заводов, м. Бакланов».

Известно, что мастер Петр Бакланов приехал на Алтай из

Петергофа, где «обучился гранильному, шлифовальному, пассажному и резному искусствам; при том же и позировать, потому и переименован из учеников в подмастерья, и в том звании был четыре года, а как по требованию Колывано-Воскресенских заводов для производства действия шлифовального мастера, то при оказании сего требования по милости всесоздавшего творца и одобрением начальника из мастеровых меня произвели мастером, в коем звании и ныне нахожусь...».

Строки эти взяты из челобитной самого Бакланова, которая найдена в архивных папках писателем Александром Родионовым.

Точной даты нет. Примерно 1788 год. А уже в августе 1791-го Гаврила Качка пишет Соймонову:

«Во время бытия моего в Локтевском заводе между прочим осматривал и делаемые при шлифовальной фабрике вещи, которые идут с желаемым успехом, причем по смерти мастера Бакланова главными в звании этого мастерства из учеников находятся Стрижков и Басманов, Толстов...»

Шло последнее десятилетие XVIII века. На рапортах Локтевской шлифовальной фабрики появляется первая деловая подпись мастера Филиппа Стрижкова. А это уже новая страница в истории камнерезного дела на Алтае. Впереди 1802 год – год основания Колыванского камнерезного завода имени Ивана Ползунова.

«...Основа взлета мастерovitости колыванцев была заложена Филиппом Стрижковым, – пишет Александр Родионов в своей книге «Колывань камнерезная». – Если 1802 год – это всего шесть

Камнераспилочная машина

ваз, то следующий – девять яшмовых, порфировых ваз и одна чаша из ридерской брекчии. Такое многочисленное семейство каменных изделий, рожденных в один год, может говорить только о том, что фабрика обрела полную силу».

В начале XIX века рядом со Стрижковым работали мастера высокой руки: Петр и Григорий Мурзинцевы, Иван Толстов, отдельные Алексей Осколков, Иван Акулов, Никифор Дупленков, Никита Трапезников.

А в 1808 году отдельщик Яков Протопопов побывал в Париже, где собирал вазу, подаренную Наполеону.

Предание донесло до наших дней подробности встречи колыванского камнереза с французским императором, восхищение которого изящной чашей вылилось в денежное выражение. В ладонь камнереза, представленного Наполеону, высыпались подвернувшиеся под руку владыки наполеондоры. Прогулял ли те деньги колыванец или накупил французских подарков заждавшейся жене, о том предание умалчивает. Но известно, что для отдельщика эта встреча да и вообще все путешествие долго оставались предметом воспоминаний:

– А вот у нас в Париже!.. А вот мы с Наполеоном!.. Было это во времена Филиппа Васильевича Стрижкова.

Со следующей славной страницей колыванской истории связано имя механика Михаила Сергеевича Лаулина.

Вот что пишет издатель журнала «Отечественные записки» Павел Свинын: «В числе драгоценностей, украшающих Эрмитаж, порфировая и яшмовая чаши и вазы, обрабатываемые в Колюванских заводах наших, занимают одно из первых мест и обращают удивление всех знатоков сколько огромностью своею, столько красотой вещества и изящностью форм и, наконец, как вещи, коим равных не находится в целой Европе, коим равные исходили разве из рук одних египтян!

Новая яшмовая чаша превышает все доселе имеющиеся в

Эрмитаже подобные чаши красотой своею и оригинальностью и доказывает беспрестанно усовершенствование Колюванской шлифовальной фабрики...

Чаша сия работалась под надзором известного маркшейдера Лаулина более трех лет. Она везена с Колюванских заводов, отстоящих от С.-Петербурга на 4500 верст.

Чаша сия поставлена посреди Гваренговой галереи, ведущей в театр, где освещается она с двух сторон. Кроме сей выгоды, избрание онаго места прилично еще тем, что галерея сия, быв одним из изящнейших произведений таланта знаменитого Гваренги, много способствовавшего к украшению нашей столицы, будет служить вместе с сею превосходною чашею (также сделанной по его чертежам) лучшим ему памятником».

После очередной командировки в Колювань звоню Родионову:

– А правда, что Царица ваз долго не могла въехать в Эрмитаж?
– Да. Целых шесть лет. И въехала не во дворец, а в открытый проезд. Петербургских грузчиков потребовалось чуть меньше, чем в свое время бергаеров на Алтае для перевозки камня из каменоломни на фабрику. Но 770 столичных рабочих за свои бурлацкие услуги 375 рублей серебром получили.

Двери одного из лучших в России дворцов оказались узковаты для алтайской чаши. Она вносила поправки в замыслы архитекторов. Проезд превратился со временем в зал, из которого колыванская чаша с 1849 года никогда и никуда не переезжала, хотя эрмитажная коллекция на своем веку знает не одно перемещение: в 1812 году – в район Петрозаводска, в 1917-м в Москву, в 1941 на Урал в Свердловск.

В блокадные весны, когда начинало капать с отсыревшего потолка и вода скапливалась в чаше, изможденные сотрудники Эрмитажа отчерпывали ее: не дай бог при очередном содрогании от взрыва бомбы или снаряда рухнет перегруженный колосс!

Не рухнул, выстоял вместе с городом.

Где-то в подвалах Эрмитажа толпились древние скульптуры, петергофские, уральские, алтайские чаши и вазы. Царица ваз не сдвинулась со своего места, со своего поста. И было, есть в ее постоянстве что-то от мощи и твердости русского духа.

Но не только Эрмитаж гордится изделиями алтайских камнерезов. Творчество наших мастеров по достоинству оценили во многих странах мира.

Нет, к сожалению, возможности в кратком очерке вспомнить всех их и назвать все музеи, где нашли приют уникальные творения колыванцев... Были в истории Колювани камнерезной международные выставки, дипломы и другие награды... Изумленно вглядывались в лицо алтайского камня и Лондон, и Париж...

Не случайно академик Ферсман писал в начале прошлого века:

«Петергоф – Екатеринбург – Колювань. Таковы были три центра русской художественной промышленности, три единственных в мире государственных предприятия, призванных выявлять красоту цветного камня».

Потерялся во времени Петергоф. Новые формы, стремясь выжить, ищет Екатеринбург. Таинственное притяжение самоцветного камня не дает покоя сотням предприимчивых людей, и их стараниями пробуют свои силы в камнерезном деле десятки полукустарных мастерских...

Но все это фон, наша же Колювань по-прежнему остается тем центром художественной промышленности, где сохранены и развиваются лучшие традиции старых мастеров.

*Валерий Слободчиков
Барнаул – Колювань.*